

БЕЗГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ: ИХ ТИПОЛОГИЯ И СТАТУС В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

Настоящая статья мыслится как вклад в классификацию незамещенных синтаксических позиций, предложенную нашим уважаемым Юбиляром в разных работах, ср., в частности, [Апресян 1974; 1986a]. Одновременно она продолжает прерванную уже давно дискуссию с Игорем Мельчуком о лингвистическом статусе безглагольных конструкций в русской разговорной речи, ср. [Weiss 1993] и [Мельчук 1995]. Таким образом хотелось бы выразить свою глубокую благодарность тем двум мастерам лингвистического дела, которые повлияли на мое собственное научное развитие и образ мышления самым непосредственным образом. База данных, на которую опираются мои наблюдения, состоит из разных записей спонтанной устной речи и фрагментов из художественных произведений; поиск безглагольных конструкций по электронным корпусам по очевидной причине затруднителен и должен быть оставлен для дальнейших исследований в будущем.

Отсутствие глаголов действия в русской разговорной речи уже часто обсуждалось (см. кроме названных уже работ [Ширяев 1973; Мельчук 1974; 1988; Wiemer 1996; Щаднева 2000; Сай 2002; Мазага 2010]), но до сих пор не дождалось описания, которое могло бы претендовать на полный охват всех аспектов. В рамках данной статьи, разумеется, этого тоже невозможно достичь.

Оговоримся сразу, что из рассмотрения будут исключены случаи чистого **анафорического эллипсиса**, будь то в речи одного и того же говорящего (ср. *Совсем забыл, куда сунул проклятые деньги! ... Куда это я их?*), будь то в диалогической реплике (ср. *Выходите из берлоги и врага На рога Поднимите-ка! — А мы врага бы На рога бы* (К. Чуковский)). По определению, эллипсис в таких случаях может однозначно реконструироваться через отсылку к антецеденту¹. Следует отметить, что именно критерий анафорической отсылки позволяет отличать объекты нашего рассмотрения, такие как *Я же не нарочно/нечаянно!*, от крайне редуцированных реплик типа *Но нечаянно!*: в отличие от последних, первые могут функционировать не только как реактивные акты, но также без предыдущего вербального сти-

¹ При этом имеется в виду лексическое тождество с антецедентом: как видно из цитаты Чуковского, состав граммем может измениться в реплике.

мула, когда, например, говорящий наступил рядом стоящему пассажиру на ногу. И наконец, безглагольные предложения в нашем понимании следует тщательно отличать от предложений с **нулевой связкой** Ø_{быть}, хотя на практике разграничение этих двух типов иногда бывает затруднительным (см. ниже).

Этими двумя ограничениями, однако, объем предмета сужается незначительно. Хуже того, остальные случаи отсутствия глагола действия никак не поддаются какой-либо единой трактовке: они уж слишком разнородны и условия их употребления далеко не одинаковы. Обычно выделяют два основных типа безглагольных конструкций. С одной стороны, таким высказываниям, как *Ты это сама?* приписывают **окасиональный** и синтаксически **неавтономный** статус, потому что их прочтение зависит полностью от окружающего контекста и/или от внеязыковой ситуации. С другой стороны, постулируется целый ряд так наз. **нулевых глаголов**, обладающих каким-то семантическим инвариантом и функционирующих как будто и вне контекста как системные языковые единицы. Вслед за [Ширяев 1973] к таким нулям причисляют в первую очередь: 1) глаголы целенаправленного движения (ср. *Я в сад, Она только что из Питера*), 2) говорения (ср. *Ты серьезно?, Я не про себя*) и 3) насильственного воздействия типа *бить* (ср. *А его пистолетом по голове*). К ним добавляются в [Wiemer 1996] следующие семантические группы: 4) глаголы предоставления (*Эти пилюли мне врач*), 5) обращения (*Вы ко мне?*), 6) «смотрения» (*Все на меня в лорнеты*), 7) смены внутреннего состояния человека (*А она в слезы*), 8) трудовой деятельности (*Я там секретарем*), 9) описания внешней характеристики данного референта-субъекта (*Там вот такое это озеро луком*), 10) Локализации референта (*Я тут рядом* — имеется в виду *живу*, не нулевая связка). При всем этом лексикографический статус этих единиц остается совсем неясным: представляет ли каждая семантическая группа одну лексему или несколько лексем? Как будет выглядеть их лексикографическое описание в одном и другом случае?

Данный подход вызывает на наш взгляд серьезные сомнения. Во-первых, вопреки тому, что пишет [Там же: 272] («нельзя не заметить их довольно четкой очерченности»), эти группы оказываются при ближайшем рассмотрении весьма расплывчатыми. Так, сам автор указывает на то, что семантика обращения (группа 5) совмещает в себе элементы как движения, так и говорения и тем самым составляет промежуточное звено между группами 1 и 2. Независимо от этого приходится расширять семантику этой группы, поскольку сюда же, наверно, надо отнести и такие глаголы, как *писать* (ср. *Ты кому?*) либо *звонить* (*Я в отделение*). Таким образом, здесь представляется предпочтительным название «глаголы коммуникации». Возникает также вопрос, все ли глаголы, описывающие речевые акты, входят в эту семантическую группу. Так, в примере *Мы зря на бокового, он был прав* содержится имплицитное значение *зря обвиняли бокового*, но этот фрагмент приводится в [Сай 2002] как пример окасионального отсутствия глагола. [Ширяев 1973] идет еще на один шаг дальше, включая сюда же глаголы типа *думать*, чем и объясняется его термин «значение речемыслительного действия». Это продиктовано систематиче-

ской двузначностью таких примеров, как *Я о другом совсем*. Таким образом, получается скорее «гиперсмысл» вроде «коммуникативно-мыслительного действия». Не лучше ли разбить такой семантический монстр?

Во-вторых, вопрос об эвентуальном распаде отдельных нулевых глаголов возникает и по поводу семантики движения, поскольку эта группа наряду с непереходными глаголами вроде *идти, бежать, ползти, плыть, лететь, прыгать, броситься, мчаться* и т. п. охватывает и переходные, трех- и даже четырехвалентные глаголы типа *посылать, отправлять, перевозить* и т. п. Если их все вместе включить в ту же рубрику, останется, например, невыясненной двузначность такого примера, как *Вам куда?*, который кроме стандартного прочтения *Вам куда ехать?* имеет и альтернативные значения, ср. *Вам куда продать билет?* либо *Вам куда отправить бандероль?* Правда, на это можно возразить, что последние интерпретации конситуативно обусловлены, между тем как непереходный глагол (*ехать, идти*) ассоциируется спонтанно, как бы по умолчанию. Возникает, однако, вопрос, в чем заключается принципиальная разница между, скажем, обращением таксиста *Вам куда (ехать?)* и служащей на почтамте *Вам куда (отправить эту бандероль?)*. Обе интерпретации прикреплены к определенным коммуникативным ситуациям — разве не в их частотности весь вопрос?

В-третьих, так называемые нулевые глаголы не отличаются принципиально от ситуативно неавтономных (неполных) безглагольных предложений по интерпретационному диапазону. В литературе единогласно подчеркивается, что, например, нулевой глагол движения почти всегда допускает разные эксплицитные прочтения, ср. *Куда ты без шапки? (идешь, бежишь, собираешься, побежал* и т. п.). Подбор подходящего варианта определяется только данным контекстом, причем даже в таком случае часто остается выбор между более конкретной (*идешь*) и более абстрактной (*собираешься*) лексемами. Не иначе обстоит дело и с «ситуативно неавтономными» примерами: и здесь встречаются довольно диффузные высказывания типа *Так бы любой на твоём месте (отреагировал, поступил, подумал, сделал)*², и эта диффузность даже в специфическом контексте не всегда снимается полностью, причем происходит это по тем же причинам, как и в случае нулевых глаголов (ср. указанную противоположность конкретных и более абстрактных глагольных заместителей).

1. Альтернативный подход

Сказанное заставляет сильно усомниться в обоснованности оппозиции ⟨нулевой глагол: окказиональная невербализация глагола⟩. Следовательно, в дальнейшем наше изложение не будет строиться по этому критерию. Попробуем сначала сформулировать общий минимум, характеризующий все безглагольные предложения. В [Weiss 1993] были выделены следующие три признака: а) отсутствующий

² Пример цитируется по [Mažara 2010].

глагол имеет **акциональную** семантику, что предполагает признак + контролируемость, б) остаточное предложение обладает минимально **двухчленной структурой**, складывающейся из двух актанта, либо одного актанта и одного сирконстанта, с) данное предложение не подвергается **общему отрицанию** (возможно лишь частное отрицание типа *Я не про тебя*)³. Отметим сразу, что ярлык «акциональный» покрывает не только действия, но и деятельности⁴; таким образом, сюда относятся и нецеленаправленные движения типа *ходить, бродить*, а также группа со значением трудовой деятельности вроде *работать*. Тем не менее первый критерий нуждается в пересмотре: как справедливо отмечается в [Wiemer 1996: 270], выделенные им группы 8 и 10 со значением внешней характеристики и локализации описывают состояния и качества, так что акциональность здесь ни при чем (то же самое верно и для некоторых устойчивых единиц, см. ниже). Несмотря на количественно незначительную долю эти групп, приходится сформулировать критерий а) в смягченном виде, примерно как «имеет почти исключительно акциональное значение». Кроме того, желательно еще следующее уточнение: если денотат — действие в узком смысле слова, оно чаще всего имеет единичный и временно локализованный характер; генерические высказывания представлены весьма редко в нашем корпусе.

Остальные указанные выше критерии б) и с) остаются в силе. В частности, мнимые отклонения от требования двухчленной остаточной структуры типа *В мой кабинет, пожалуйста*, приведенные в [Сай 2002], связаны опять с прагматической специализацией данных клишированных моделей или находятся в диалогических репликах, где действуют дополнительные правила элидирования. Необходима лишь следующая оговорка: эллипсис первого актанта, возникший в результате сочинительного сокращения, не препятствует опущению глагола, см. ниже, пример 7. И наконец, невозможность прямого отрицания невыраженной информации имеет в некотором смысле тривиальный характер, но в нашем случае нельзя ее объяснить принадлежностью имплицитной информации к пресуппозиционной части предложения, как это предлагается в [Там же].

В дальнейшем постулируются **два континуума**. Первый растягивается от вполне однозначных примеров типа *А как ты на это?* к весьма диффузным вроде *Так бы любой на твоём месте*. Эта картина осложняется тем, что даже лексически однозначные примеры могут в темпорально-видовом или модальном плане оказаться недоопределёнными, ср. *А как вам Неаполь? (нравится/понравился), А мусор потом (вынеси/вынесешь)!* Данный вопрос пока весьма слабо изучен и нуждается в отдельном рассмотрении, которое выходит за пределы настоящей статьи. По это-

³ Критерий а) совпадает полностью, а критерий б) — частично с условиями, сформулированными И. Мельчуком в разных работах.

⁴ Остается выяснить, совпадает ли этот класс с классом, обозначенным З. Вендлером термином *activities*. К последним принадлежат, как известно, также позиционные глаголы *лежать, стоять, сидеть*, а кроме того *спать* и др., которые могут опускаться в разговорной безглагольной конструкции.

му поводу нелишним будет одно уточнение: как соотносятся между собой понятия диффузность и многозначность? В принципе здесь можно руководствоваться определениями, данными в [Апресян 1974: 179 и сл.]. Если применить их к нашему материалу, выходит, что, например, *Ты куда* является двузначным в силу дискретности конкурирующих интерпретаций *идешь* и *звонишь*, а *Так бы любой на твоём месте* следует признать диффузным из-за нечеткой текстуальной (не словарной!) различимости разных прочтений⁵. Поэтому назовем соответствующий континуум **шкалой однозначности — многозначности/диффузности**.

Другой континуум отражает **степень устойчивости** данной безглагольной конструкции. На одном полюсе этой шкалы находятся безглагольные предложения, имеющие явно фразеологический характер, т. е. обладающие лишь очень ограниченной грамматической и лексической вариативностью; классическими примерами могут служить *С Х-а все как с гуся вода* и *А ему хоть бы что*. Сюда относятся целый ряд прагмафразем (см. ниже) вроде *Ты опять за свое?* или *Ты что?* Среди них могут появиться и отклонения от условия акциональной семантики, ср. *Как тебе Неаполь (нравится)?*, *Х-у хоть бы что либо Ты что?* в смысле *Что с тобой случилось?* или *Ты абсолютно не прав*.

В устойчивых единицах свободная замена грамем часто затруднительна, ср. *Ты/вы/он(а)/они что?*, *Ты/вы/он(а)/они опять за свое?* при невозможности первого лица, ср. **я/*мы опять за свое?* и наоборот: *Я/мы не нарочно!*, но *Ты/вы не нарочно?*⁶ В приведенных случаях допускаются немногочисленные лексические варианты, ср. *Ты опять за прежнее?* или *Я нечаянно/неумышленно/случайно*. Противоположный полюс этой шкалы занимают свободные сочетания типа *Он быстро домой*: вместо *он* можно вставить любое существительное, обозначающее лицо, а вместо *домой* — любое указание на цель движения вроде *на дерево, под душ, в дыру, к двери, через забор*. Таким образом, получается своеобразная перекрестная типология, организованная по двум названным шкалам. Их крайние случаи представлены в следующей таблице:

	Свободное сочетание	Устойчивое сочетание
Однозначная интерпретация	Он Ø ей: «...»	Как тебе Ø Х?
диффузная интерпретация	Ты это сама Ø?	Ты что Ø?

Впрочем, в соответствующем контексте даже полностью, казалось бы, фразеологизированное значение может оказаться неустойчивым, ср.:

- (1) Не знаю, что-то она мне не очень. — Не очень *запомнилась?* — Да. ([МФ]).

⁵ Сказанное не исключает возможности, что внутри одного из альтернативных прочтений многозначного примера проявляется еще и диффузность, ср. *Ты куда (идешь/собираешься)*.

⁶ Эти ограничения легко объясняются прагматической функцией, выполняемой данными высказываниями, см. ниже.

Кроме того, как было сказано выше, даже такие клишированные вопросы как *Вам куда?* или *Ты куда?* на самом деле допускают в зависимости от ситуации разные интерпретации.

Напрашивается вывод, что многие грамматические ограничения в правой рубрике выше приведенной таблицы связаны с тем, что соответствующие высказывания оформляют определенные **неассертивные речевые акты**. Так, *Я не нарочно* выражает извинение, *Я сюда больше ни ногой!* — клятву, *Ты опять за свое?* — критику, *Я тебе!* — угрозу, *Как вам Неаполь?* — вопрос, *Петрова к директору!* — приказ, *С ним бы осторожней!* — совет или предостережение, *Ты что!* — выражение удивления или досады и т. п. При этом данный речевой акт может в свою очередь функционировать как ответ на эллиптическое высказывание, ср. *Зачем ты его?* — *Я же не нарочно!* Некоторые лакуны могут повторяться в вопросно-ответных парах, ср. *Как тебе Авдеева?* — *Она мне как-то не очень*. Иными словами, перед нами целый ряд русских **прагмафразем**.

Итак, прагматической специализацией обусловлены разные грамматические ограничения, накладываемые на такие безглагольные высказывания: выбор лица сильно сужается (см. **Я что!*, **Ты мне!* и т. п.)⁷, а минимальная модальная и временная вариативность многих безглагольных примеров находит свое естественное объяснение. К примеру, директивы типа *А мусор потом* соотносены с планом будущего, поэтому здесь допустимо, наряду с императивом, и н. в. СВ, а в случае советов типа *С ним осторожней* легко предвидеть, что вместо императива допустим также конъюнктив, ср. *С ним бы осторожней*. Этот вариант допускает, однако, и совсем другое прочтение: он может относиться к прошлому в смысле *С ним надо было бы осторожней обойтись*. Кроме того, с помощью той же частицы *бы* можно выражать желание, ср. *Хорошо бы под душ!*, *Мне бы маму сюда!* и т. п. Вообще следует отметить, что при аналитическом оформлении глагольной формы вспомогательный элемент сохраняется, см. также *Вино будешь?*

Трафаретная ситуация представлена в сфере обслуживания, где акт просьбы-заказа обыкновенно реализуется без глагола, т. е. в ресторанах, магазинах и т. п.: *Мне порцию сыра (принесите)*, *Мне 200 граммов краковской (отрежьте/взвесьте)*⁸ и т. п. Та же редукция к минимуму характерна для военных и других команд вроде *Огонь!*, *К оружию!*, *Руки вверх!*, *Вперед!*, *Портки долой!*, *В мой кабинет, пожалуйста!* и для ритуально-вежливых формул типа *Не за что!*, *Очень приятно!*, указания пути (*к кассам*) и т. п. Кажется, именно этот класс безглагольных высказываний представляет наименьший интерес, поскольку подобные

⁷ Здесь и в дальнейшем не учитываются возможности транспонирования граммем лица, времени и т. п. при косвенной и несобственно-прямой речи.

⁸ Именно в таких клишированных употреблениях возможно и дальнейшее сокращение типа *порцию сыра, пожалуйста*. Шире о таких конситуативных высказываниях см. [Ширяев 1981]. Нарушение условия двухчленного синтаксического каркаса в приведенных примерах соответствует общеевропейской тенденции к максимальному сокращению таких клише.

примеры встречаются в любом европейском языке. Из-за тривиальности и общей распространенности таких употреблений они в дальнейшем будут исключены из сферы рассмотрения.

К отдельным речевым актам примыкают целые текстовые жанры, способствующие употреблению безглагольной модели. Сюда относятся, например, лозунг-призыв (*К оружию!*, *Ближе к массам!*, *Все на выборы!*, *Шире ряды стахановцев!*, *Все выше и выше!*), лозунг-заклинание (*Долой кухонное рабство!*, *Преступника — к ответу!*, *Порок — за порог!*), лозунг-требование (*Миру — мир!*, *Родине — хлеб*), и т. п. Они частично соприкасаются с командами типа *Долой!*, *Руки прочь!*, но в силу своей расчлененной структуры (ср. выше сформулированный критерий двухчленного остаточного каркаса) укладываются в рамки нашего подхода. То же самое верно для безглагольных пословиц и поговорок вроде *Первый блин комом*, *Баба с возу — кобыле легче*, *Один про Фому, другой про Ерему*. Пословицы пересекаются также со слоганами, ср. *Паршивую овцу из стада вон*.

2. Шкала однозначности — многозначности / диффузности

Шкалярный характер особенно заметен в случае оппозиции ⟨однозначность — диффузность⟩ интерпретации. Как известно, здесь как раз частотны промежуточные случаи, где подходит не одна конкретная глагольная лексема, а целый ряд глаголов с каким-то общим смысловым компонентом. К ним относятся, в частности, самые частотные из выше перечисленных групп, а именно глаголы коммуникации, движения и битья. К примеру, в следующей цитате допустимы разные варианты вроде *вскочил/побежал/бросился*:

- (2) Я Ø за свечку — Свечка Ø в печку! Я Ø за книжку, Та — бежать и вприпрыжку Под кровать (К. Чуковский).

Такие промежуточные случаи могут опять быть полностью фразеологизированы, ср. *Я тебе/тебя!*, либо входить в свободные сочетания как в примере 2. Разумеется, уточнение обстоятельств путем названия средства, инструмента и т. п. может привести к однозначному прочтению, ср. *А мы с ними так грубо Ø₁, молотом Ø₂ по голове*. В этой цепочке происходит семантическое уточнение: если первая лакуна Ø₁ воспринимается примерно как *обрацались* или *обходились*, то Ø₂ прочитывается уже как *били* либо *колотили*. С другой стороны, если отсутствие глагола повторяется в сочинительном ряду, может возникнуть новое прочтение, ср.:

- (3) Не боимся мы его, Великана твоего, Мы зубами Ø₁, мы клыками Ø₁, мы копытами Ø₂ его! (К. Чуковский).

Ø₁ прочитывается как *будем кусать*, а Ø₂ — как *будем бить*. Одновременно вырисовывается теперь общий гипероним, который, однако, только с трудом расшифровывается (*уничтожим? пораним? растерзаем?*).

Выше уже говорилось о решающей роли контекста. На самом деле диффузность невыраженного значения очень часто снимается за счет предыдущего или последующего контекста либо ситуации, в которой происходит разговор. Проиллюстрируем это следующими примерами:

- (4) Оказывается, давным-давно в Новгороде жил мой пра-пра-пра... — не важно! Настоящий герой! Он спас Новгород от опричников Ивана Грозного! — Ну, конечно, герой! Ты, наверное, Ø в него! Ха-ха!
- (5) А покойница-то — прости Господи, вредная была баба! Как это он с ней Ø тридцать лет? (М. Шишкин).

В обоих примерах предыдущая фраза порождает заключение (ср. маркер *наверное* в 4), которое потом так и не формулируется полностью, а лишь частично, причем иронически (*Ты в него*) или посредством риторического вопроса (*Как он с ней...*).

Соответствующую информацию может также подсказать внеязыковая ситуация, в которой происходит разговор. Так, вышеприведенная фраза *Куда ты без шапки?* скорее всего произносится в момент, когда адресат уже собирается уйти из дома; вопрос строится опять на основе заключения говорящего, наблюдающего за этой сценой, т. е. здесь налицо фреймовая семантика. Такая же фреймовая интерпретация проявляется в спортивных репортажах, которые изобилуют подобными примерами; так, во время футбольного матча репортер может сказать: *Блохин — Михайлову (пасует), А тот — в ворота! (бьет)*, и эти высказывания понимаются правильно и радиослушателями, хотя они не могут опираться на зрительное восприятие происходящего. Очень часто получается дополнительное распределение ситуативной и вербальной информации в художественных фильмах. Так, в фильме «Вор» Павла Чухрая малыш осматривает татуировки главного героя и обнаруживает на его плечах портрет Сталина. Тут развивается следующий диалог: *Сталин! А его зачем Ø? — Отец он мне родной.*

В работе [Сай 2002] выделяется именно ситуативно обусловленный тип в качестве единого контекста, позволяющего опустить любой глагол действия; напомним по этому поводу известный пример *А мы это по t (продифференцируем)* из [Мельчук 1974]. Кажется, однако, что автор напрасно приписывает свободную опустимость исключительно ситуативному типу: как уже показали примеры 4 и 5, имплицитная информация может также выводиться из вербализованного контекста.

Несколько иначе функционирует фраза *От него водкой, как из кабака* (Чехов): здесь искомая информация уже имплицитно заложена в замещении первой и второй валентности самого отсутствующего глагола (*от него — водкой*). Лексическое наполнение включающей фразы, точнее, двухчленный каркас, о котором говорилось выше, позволяет и в следующих примерах реконструировать значение нереализованного глагола:

- (6) Потом Ø₁ другой костюм и быстро Ø₂ на сцену (из раб. [Маžара 2010]).
- (7) Как-то вечером, уже после лова, берет он мольбертик свой, надевает шлепки и — Ø₁ на лоно. Закат рисовать. И там, в этой густой траве, его что-то колет в основа-

ние большого пальца ноги. И шипит, как закипающий чайник. Он травку раздвигает, а там хиромантия какая-то, с карандашик величиной. Он ей $\emptyset_2$ пинка! Она его — еще разик $\emptyset_3$. Обозлился пейзажист, сгреб этого гаденьша в кучку и нам несет: мол, мужики, червяк какой-то. Да еще щиплется. ... А мы ему $\emptyset_4$: Коля, ты с ума сошел, это же эфа! (Огонек. 1992. № 8).

$\emptyset_2$ в примере 6 и $\emptyset_1$ в примере 7 выражают имплицитное значение движения; такую замену подсказывает синтаксическая конструкция, содержащая указание на возможную цель движения (*на сцену, на лоно*)⁹. На отсутствие глагола коммуникации, представленное в $\emptyset_4$ (пример 7), указывает весь набор наличествующих актантов: первые две валентности замещены названием лиц, а третий актант представлен в виде прямой речи. В $\emptyset_2$ (пр. 7) информация о действии не отсутствует, но она свернута в номинализации *пинка*; иначе говоря, здесь не хватает лишь глагольной части выражения ЛФ Орег₁ (*пнуть*). И наконец, $\emptyset_3$ отсылает к фразе *что-то колет* из предыдущего текста, причем анафорическое прочтение облегчается показателем повтора *еще разик*.

Иногда отсутствующий глагол реконструируется на основе знания всего рассказа, ср.:

- (8) А Саша — не народ? Такой чистый, такой ясный, так верил, а его $\emptyset$ в Сибирь, расстрелять нельзя было, так хоть в Сибирь (Рыбаков).

Впрочем, и без знания о ссылке главного героя лексическое наполнение фразы (*Сибирь*) наводит на правильное восполнение лакуны (*отправили*).

Итак, оказывается, что сама возможность опущения глагола не зависит от типа вспомогательной информации, которая может скрываться а) в лексическом наполнении самого предложения, содержащего пробел, б) в предыдущем контексте, с) во внеязыковой ситуации. Чаще всего эти источники взаимодействуют при раскрытии искомой информации, т. е. сочетаются а) и б) или а) и с). Этот механизм действует даже в чисто описательных высказываниях с генерической референцией, где соотносительность с моментом речи снята, ср.¹⁰:

- (9) Б: Ну это как, например, конфетные напитки в пельменной дают ... В: конфеты, значит, пропадают. Б: ...с обертками. В: ...без оберток и пропадают, их горячей водой $\emptyset$, кипятком и они [*sic*] получают напиток. ‘конфетный напиток’ ([МФ]).

Но описанное взаимодействие разных факторов организовано иерархически в том смысле, что более локальная, внутрифразовая реконструкция может быть сня-

⁹ Оба примера показательны тем, что не содержат эксплицитного подлежащего. Тем не менее они выполняют условия, сформулированные выше, поскольку в каркас примера 6 наряду со вторым актантом входит еще сирконстант *быстро*, а в примере 7 — эллиптическая отсылка к антецеденту *он*.

¹⁰ Напомним, что данный пример представляет отклонение от общего правила, согласно которому отсутствие глагола действия в дискурсивном регистре выступает преимущественно в высказываниях, соотносительных с моментом речи, т. е. с рейхенбаховской точкой S.

та под воздействием предыдущего контекста. Для иллюстрации: синтаксический каркас $X_{им} — в Y_{вин}$ будет вне контекста интерпретироваться как описание какого-то движения, но в контексте, где оба актанта обозначают людей и упоминаются родители и прадеды одного из них (ср. пример 4), интерпретация движения, естественно, заменяется совсем другой реконструкцией типа *уродился*.

В этой связи укажем на проведенные двумя авторами (см. [Щаднева 2000; Сай 2002]) эксперименты, в ходе которых испытуемым представителям разных социальных категорий предъявлялись избранные изолированные безглагольные высказывания с целью выявления отсутствующего смысла или придумывания подходящих контекстов, в которых такие высказывания могли бы быть произнесены. Из вышестоящего изложения явствует, что такой подход может раскрыть лишь часть механизма, определяющего декодирование отсутствующей информации: действующие вне контекста образцы интерпретации могут быть сведены к нулю при включении в достаточно специфические контексты.

Подытоживая эти соображения, необходимо констатировать, что отсутствующая информация очень редко стопроцентно определима; чаще всего реконструкция выявляет некий абстрактный набор семантических признаков, соответствующих более чем одному конкретному глаголу.

3. Выбор эксплицитного глагола-заместителя

Реконструкция невыраженной информации в принципе тем проще, чем более специфична окружающая лексика, т. е. именной каркас конструкции. Доказательство тому — название одежды (*другой костюм*) в примере б: в цепочке разнородных действий предмет одежды скорее всего будет надет, поэтому именно глагол *надеть* свободно опускается без опоры на окружающий контекст. Гораздо менее естественным выглядело бы отсутствие антонима *снять*, если в дальнейшем не упоминается о другой одежде¹¹. Если же одежду будут *разрывать*, *выбрасывать*, *стирать* или *гладить*, отсутствие глагола обязательно требует либо соответствующей контекстуальной подготовки, либо подходящего наполнения самой фразы, например в виде *утюгом*, *в прачечной* и т. п. Похоже обстоит дело в следующем диалоге о грудном ребенке:

- (10) А: И наша тетя Ксения, она ведь тоже к нему привязана, к Димке. — В: Конечно, уже привыкла. — А: Привыкла, но она же его *Ø с пеленок*, что же с месяца ([МФ]).

На основе одного каркаса *она его с пеленок* слушатель мысленно вставил бы сюда глагол *знает*, но поскольку уже в предыдущем разговоре выяснилось, что

¹¹ Отметим, что даже при наличии фрейма, предполагающего снятие одежды, фраза типа **Он сразу кальсоны и под душ* либо **Она сразу рубашку и прыг в воду* звучит неубедительно. Только при наличии наречий типа *долгой* такое высказывание станет приемлемым, ср. *(Он) сразу портки долой*.

Ксения — няня Димки, здесь подходит также *нянчит* или *опекает*. Иначе говоря, богатые контекстуальные данные не всегда ограничивают выбор подходящего глагола, а могут его, наоборот, и осложнять. Подчеркнем, однако, что такая двузначность отнюдь не нарушает, и даже не замедляет понимание всего высказывания. Это тем более верно для тех нередких случаев, где контекст подсказывает целый ряд более или менее **синонимичных** глаголов, ср.

- (11) А: Ну/ что заслужил/ то и получит// Дармоед! Б: Господи! Анюта! Почему «дармоед»? За что вы его так Ø? ([РЯФ: 58]).

Пробел этот могут восполнить варианты *обзываете, ругаете, порицаете, критикуете* и т. п. Подобным образом в вышеприведенной цитате *От него Ø водкой, как из кабака* можно вставить *несет, разит* или *воняет*, в примере *Мы с ними так грубо — обращались либо обходились*, а в примере 4 в качестве вставки в *Ты Ø в него* годятся и *удался*, и *уродился*¹². Примеры можно легко множить. Весь этот феномен хорошо известен из литературы, причем там обсуждается преимущественно поведение тех семантических групп, которым приписывается статус нулевых глаголов (на этот счет ср. отсутствие глаголов движения в примерах 6 и 7 и глагола говорения в 7, а кроме того дискуссию примера 3, где дважды не был выражен глагол насильственного воздействия). Однако, как показывают наши наблюдения, синонимическая вариативность может в принципе появиться при любой незамещенной глагольной позиции, если только синтаксическое оформление актантов это позволяет (к примеру, *заботиться* не годится в примере 10 из-за управления).

Иначе обстоит дело с отсутствием глагола предоставления в

- (12) Ему даже Ø какую-то серебряную или золотую медаль.

Здесь вместо более точного глагола *присудили* можно было бы вставить его приблизительный гипероним *дали*. Подобным образом соотнесены в примере 8 возможные заместители *сослали* и *отправили*, а в примерах 6 и 7 — *пошел* и *отправился*. В каких условиях порождается этот тип диффузности, остается выяснить с помощью более объемного корпуса. Не подлежит, однако, сомнению, что стилистическая принадлежность играет здесь существенную роль; так, глагол *переместился* был бы вряд ли уместен как видовой представитель семантики движения.

Вопрос о возможной предсказуемости каких-то систематических двузначностей вообще заслуживает внимания. Так, иногда имеется выбор между обозначением деятельности и ее начального пункта, ср.:

- (13) А: Лида/ дирижерская девочка// Я все время говорю/ зачем ей на скрипку Ø? Б: Ну/ кто знает// А почему/ если она из семьи дирижеров/ ей скрипачкой быть нельзя? ([РЯФ: 43]).

¹² Отметим попутно, что этот глагол обозначает состояние-результат, т. е. не выполняет критерий акциональности.

В качестве замены Ø здесь годятся как *ходить*, так и *записываться* (*поступать*, *подавать* и т. п.); носители языка дают предпочтение первому варианту. Кажется, подобная двусмысленность проявляется и в примере, обсуждаемом в [Wiemer 1996: 269]:

- (14) Г: (балуется и падает со стула) Я хорошо сорвался// Приземление было хорошим// Прямо за холодильником Ø вниз ногами.

Вместо предложенного автором стативного глагола *лежу* можно было бы вставить обозначение предшествующего события *упал* либо *свалился*.

Регулярный характер имеет и альтернативное оформление директивных актов посредством императива *Х-уй* или модально маркированной ассерции типа *надо* (*нужно*, *приходится* и т. п.) *Х-овать*. Это конечно не исключает возможности, что в известных контекстах допустимы и другие альтернативы; так, в следующем примере

- (15) А: Ну а курточки? — В: Курточки есть// Всякие// — А: Ему вот поярче Ø я думаю — А: поярче дороже// ([PPP: 221]).

дательный *ему* открывает наряду с вариантом *надо* (*купить*) еще и возможность интерпретации *подходят*. Здесь, к сожалению, не место останавливаться подробнее на таких двусмысленностях. Отметим наконец, что отсутствие глагола действия может и конкурировать с нулевой связкой Ø_{быть}; этому вопросу отделяется должное внимание в разных работах, см. [Wiemer 1996; Сай 2002].

Наконец, крайнюю степень диффузности интерпретации показывают примеры типа *Мне бы маму сюда* [Weiss 1993: 56] и *Мы их и гранатами, и из автоматов, и штыками* [Мельчук 1995: 211], которые из-за отсутствия достаточно общего гиперонима просто не допускают удовлетворительной замены на какую-нибудь глагольную лексему. Кроме того, среди фразем встречаются и такие, которые просто ничем не заменимы, ср. *Ты опять за свое?* Добавим, что даже при наличии однозначного субститута безглагольный вариант может оказаться предпочтительным; такой случай был представлен в примере 4, ср. *Ты в него Ø / Ты в него уродился*. Для полноты картины укажем еще на любопытное наблюдение из работы [Маžара 2010], что в шуточной надписи *Или я диету, или она меня!* замена эксплицитным глаголом *победить* по морфологической причине (отсутствие словоформы 1 л. нв. СВ) невозможна¹³.

4. Место безглагольных конструкций в системном описании русской разговорной речи

Попробуем уложить приведенные наблюдения в общий порядок описания языка. Сначала попытаемся ответить на вопрос, какой теоретический статус надо приписать рассматриваемым безглагольным структурам. По критериям

¹³ Данный аргумент здесь работает с некоторой натяжкой, поскольку *победить* сочетается с *диетой* только в шуточном плане. При другом наполнении, однако, например, в рассказе о борьбе двух соперниц, аргумент безупречен.

классификации синтаксических отсутствий, предложенной в [Апресян 1986а: 112], выходит, что обсуждаемые здесь явления неоднородны, причем 1) отсутствие значащее, 2) в подавляющем большинстве случаев оно не замещает реальной словоформы, 3) оно чаще всего зависит от синтаксического контекста, 4) оно касается главного элемента подчинительного отношения. Оговорка по критерию 2) связана с тем, что в нашем корпусе все-таки представлены отдельные случаи типа *Как тебе X?* или примера 4), где можно вставить лишь один или два синонимичных глагола. Оговорка по критерию 3) объясняется тем, что фраземы вроде *Я — тебя!*, *Да ты что!* или *Ты опять за свое?* синтаксически автономны.

Уже эти соображения показывают, что ответ на вопрос, надо ли отнести эти факты к словарному или к грамматическому компоненту модели, не является простым. Трактовка фразем не вызывает сомнений: они будут помещены в словарь как отдельные лексические единицы вместе со всей информацией об их прагматических функциях, морфологических ограничениях и возможных вариантах с полнозначными глаголами. Укажем в этой связи на статью [Апресян и др. 1978: 140 и сл.], где разговорные конструкции типа *Я нечаянно* или *Мне бы туда / к хорошему врачу* описываются как **синтаксические фраземы**, построенные с помощью особых нестандартных ПСО и входящие в так наз. «**малый синтаксис**»; определение этого последнего понятия там не дается, но см. ниже¹⁴.

Что касается всех остальных безглагольных употреблений, то предлагается их в совокупности поместить в синтаксический компонент, отказываясь от всяких конструктов типа нулевых глаголов. Это объясняется их семантической неполнотой: результат реконструкции почти всегда сводится к какому-то абстрактному набору семантических признаков, а не к конкретной лексеме¹⁵. Следовательно, тот подграф, который соответствует будущему глаголу-хозяину, остается при переходе от семантической к синтаксической поверхности не выраженным лексически; реализуются лишь его зависимые, иначе говоря, тот минимально двухчленный каркас, о котором шла речь выше. Напомним, что здесь годятся не только всякие именные и предложно-именные актанты вроде *ему, медаль, клыками, в Сибирь, с пеленок*, но и сирконстанты вроде *быстро, вниз ногами* и т. п. Как раз этот каркас становится и при анализе текста главной опорой реконструкции значения данного предложения. Для этого необходимо приписать и предлогам типа *в, на, о, про* и т. п. свое собственное значение.

Кроме того, предлагается включить маленькую подгруппу таких «падежных рам» (термин Филлмора) в тот же «малый синтаксис», о котором уже упоминалось. Сошлемся при этом на определение, данное в [Апресян 1986b: 63]: «...трафаретные правила касаются ограниченных групп лексем с отчетливо выделяемыми об-

¹⁴ В последнее время синтаксические фраземы изучаются прежде всего Л. Л. Иомдиным, см., например, [Иомдин 2003; 2008].

¹⁵ Стоило бы подумать о том, чтобы исключения с однозначной реконструкцией вроде отсутствующего глагола из примера 4 включить как возможные варианты в словарные статьи *уродиться* и *удаться*.

щими свойствами, например совпадающими синтаксическими или прагматическими признаками, совпадающими конструкциями и т. п. Они записываются в специальном компоненте модели, который было бы уместно назвать грамматикой словаря, или малой морфологией и малым синтаксисом. В словарную статью каждой лексемы, для которой релевантно такое правило, помещается ссылка на него...» Кажется, что так называемые нулевые глаголы идеально укладываются в рамки таким образом очерченной концепции, и конструкции, обслуживающие их, должны фиксироваться именно в этом компоненте. Соответствующая «гиперстатья» тогда отражала бы не отдельные лексические значения, а именно тот абстрактный набор признаков, который составляет общий знаменатель всех входящих в данную группу глаголов. Соответствующие валентностные информации вошли бы тогда в общую модель управления, которую в случае глаголов предоставления можно условно представить в таком виде:

Семантические актанты	X = агенс	Y = адресат / бенефактив	Z = объект
Синтаксические актанты	1. S _{им}	2. S _{дат}	3. S _{вин}

Эту «гиперстатью» надо снабдить правилом, предусматривающим нулевую реализацию глагола, если не добавляются дополнительные семантические признаки, требующие выбора конкретной лексемы вроде *дать*, *одолжить*, *подарить*, *присудить*, и т. п.¹⁶ Такой же подход представляется предпочтительным и для глаголов коммуникации¹⁷, мыслительной деятельности, битья и целенаправленного движения. Разумеется, что последняя группа самая многочисленная и обладает самой большой вариативностью модели управления; напомним лишь богатый выбор реализаций обозначения цели с помощью предлогов *в*, *на*, *до*, *к* и т. п.

Напомним, однако, что при анализе текста данная безглагольная конструкция может вместо такой «гиперстатьи» вызвать совсем другую интерпретацию, порождаемую лексическим заполнением самого предложения, его контекстом и/или ситуацией разговора. Так, при соответствующем контексте структура S_{им} — в S_{вин} будет интерпретироваться не как описание целенаправленного движения, а как S_{им} *уродился* в S_{вин}. Те же факторы — лексическое заполнение предложения, окружающий вербальный контекст, внеязыковая ситуация — определяют и

¹⁶ При наличии гиперонима в полном смысле этого слова нуль может заменяться этим глаголом. Кажется, что именно в обсуждаемой выше группе *дать* является надежным кандидатом на роль гиперонима.

¹⁷ Для этой группы желательно постулировать по крайней мере три отдельных модели управления в зависимости от наличия или отсутствия обозначения адресата и/или содержания сообщения, ср. *Я ему:...* (*сказал*), *Надя им как раз об этом (рассказывает)*, *Они про нас (говорят)*.

интерпретацию всех остальных употреблений безглагольной конструкции, где не имеется синтаксического каркаса, соотносимого с подходящей «гиперстатьей», — иначе говоря, случаев, которые до сих пор назывались «окказиональными, синтаксически неавтономными».

Данный подход вырисовывается пока еще довольно туманно. В частности, неизвестно, какими критериями следует руководствоваться при определении кандидатов на собственную гиперстатью: надо ли к ним причислять также глаголы нецеленаправленного движения, трудовой деятельности и/или смотрения? Пока представляется, что ни количество соотнесенных конкретных глаголов, ни частотность безглагольных реализаций в тексте не может служить решающим аргументом. С другой стороны, требуется синтаксический каркас с минимальной семантической насыщенностью: например, структура $S_{им} — S_{вин}$, разумеется, не годится для выделения особой нулевой конструкции. Кроме того, не ясно, как можно отразить вышеописанные сферы пересечения разных групп нулевых глаголов. Как бы то ни было, новизна предложенного здесь решения заключается, прежде всего, в том, что привилегированный статус так называемых нулевых глаголов уже не обосновывается их исключительной принадлежностью к языковой системе (в отличие от так называемых окказиональных отсутствий глаголов, которые якобы являются фактами речи), а сводится лишь только к их большей регулярности, которая позволяет сформулировать обобщенные правила, охватывающие сразу несколько десятков глаголов, но одновременно не претендующие на статус синтаксических правил. Остается выяснить, совпадает ли такая концепция с понятием конструкции, разработанным Ч. Филлмором и Крофтом, ср. [Croft 2001]¹⁸. Пока укажем лишь на то, что идея нашего Юбиляра на несколько лет опередила появление американской теории конструкций.

Последнее слово обращено к Игорю Мельчуку: Ты упорно отстаивал позицию *tertium non datur*, т. е. полностью отвергал логическую возможность существования явления третьего порядка, не совместимого ни с понятием эллипсиса, ни нуля. Можно ли признать за выявленным здесь феноменом статус третьего вида пустоты? Да и нет. Его особый статус очевиден в тех случаях, когда данная конструкция относится именно к грамматике словаря, иначе говоря, к малому синтаксису, как это происходит в случае бывших нулевых глаголов. Но и бывшие окказиональные употребления не отличаются принципиально от этой группы, поскольку и они выражают лишь какое-то абстрактное значение, не соответствующее никакой реальной лексеме. В обоих случаях мы имеем дело не с новым глагольным нулем, а с феноменом, который можно условно назвать **нулевой глагольной конструкцией**.

Д. Вайс
Цюрихский университет, Цюрих, Швейцария
dawe@slav.unizh.ch

¹⁸ Именно такая трактовка нулевых глаголов отстаивается в [Сай 2002].

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1986а — *Апресян Ю. Д.* Типы синтаксического отсутствия в русском языке // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986. С. 111—114.
- Апресян 1986б — *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и толковый словарь // *Вопр. языкознания.* № 2. 1986. С. 57—69.
- Апресян и др. 1978 — *Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л., Перцов Н. В.* Объекты и средства модели поверхностного синтаксиса русского языка // *Македонски Јазик.* XXIX. 1978. С. 125—171.
- Земская 1987 — *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1987.
- Иомдин 2003 — *Иомдин Л. Л.* Большие проблемы малого синтаксиса. // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2003». Протвино, 2003. С. 216—222.
- Иомдин 2008 — *Иомдин Л. Л.* В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 4—8 июня 2008 г.). Вып. 7(14). М.: РГГУ, 2008. С. 178—184.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И. А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого / Под ред. А. А. Холодовича. Л.: Наука, 1974. С. 343—361.
- Мельчук 1995 — *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл (≠) Текст». М.: Языки русской культуры; Wien: Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband. 39. 1995.
- Сай 2002 — *Сай С. С.* Эллиптические конструкции: структура и функционирование (на материале русского языка). Дипл. работа (неопубл.). СПб., 2002.
- Ширяев 1973 — *Ширяев Е. Н.* О некоторых показателях незамещенных синтаксических позиций в высказываниях разговорной речи // *Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская.* М.: Наука, 1973. С. 288—317.
- Ширяев 1981 — *Ширяев Е. Н.* Синтаксис // *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. С. 191—273.
- Croft 2001 — *Croft W.* Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford: University Press, 2001.
- Mažara 2010 — *Mažara Je.* Swiss Cheese for Lazy Speakers: Verb Omission in Russian and Czech // Grønn A., Marijanovic I. (eds.). Russian in Contrast: Oslo Studies in Language, 2010.
- McShane 2000 — *McShane M. Y.* Verbal Ellipsis in Russian, Polish and Czech // *The Slavic and East European Journal.* 2000. Vol. 44. № 2. P. 195—233.
- Weiss 1993 — *Weiss D.* Die Faszination der Leere. Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1993. LIII/1. P. 48—82.
- Wiemer 1996 — *Wiemer B.* Классификация нулевых сказуемых в русском языке по их лексическим и референциальным характеристикам // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej.* T. 33. Warszawa, 1996. P. 245—273.

- РРР — Земская Е. А., Капанадзе Л. А. (отв. ред.) Русская разговорная речь. Тексты. М.: Наука, 1978.
- РЯФ — Земская Е. А., Шмелев Д. Н. (отв. ред.) Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993.
- МФ — Машинный фонд русского языка. Электронный корпус, составленный в начале 90 гг. в ИРЯ АН СССР/РАН.